

Игорь Шестков "Триста тысяч юаней"

ТРИСТА ТЫСЯЧ ЮАНЕЙ

Перечитал сегодня рассказ «Жасмин». Мой первый опыт декоративного коврокчества на тевтонском материале. Тот еще получился ковриком. Как сюртук Чичикова – брусничного цвета с искрой. Кудряво написано.

Поторопился я с его печатью в зеленых «Мостах». Не исправил несколько очевидных огрехов. Не все гнилые нитки выкинул. Прямые определения, повторы, авторские ухмылочки...

Засбоил. Потому что этот текст измотал меня своими поворотами-разворотами.

Я ведь всегда везу в тачке – по совету Хэма – раз в десять больше того, что в текст попадает. Работаю дольше всего с невидимым, ненаписанным материалом. С безтекстом. Текста нет, а тяжесть есть. Вот и заносит на виражах. Высыпаются песок и камни. Приходится разгребать, убирать, пылесосить.

Странное чувство: «Автор» – это вовсе и не я. Не ты, а кто же?

Твой клон? Фантом? Мститель из подсознанки?

Астроном, конструктор точных приборов, точильщик призмочек и зеркалец, пожиратель спектров?

Нет, скорее азартный собиратель душистой травки чернухи, составитель душных как воротник у пальто холостяка гербариев, коллекционер морфем, этих золотых скарабеев, которые принято бросать в открытый рот читателя через глаза мертвый головы, ловец снов и другой нежной придури, щелкунчик арахисовых орешков – ассонансов и аллитераций, охотник за глазурованными сырками-големами, за лучающимися призраками свободы, за дикими псами-смыслами...

Черт его знает, кто, только не «я».

Отражение в черной дыре.

А герои? Кто они? Выдуманные личности, фикшены? Или реальные люди-нон?

Поди, разбери! Мулаты-мутанты, незаконнорожденные половинки, скороспелки-самозванцы, восстающие на автора карбонарии. Сорняки на обочине пустыря, заросшего полынью.

Но их прихоти и капризы для меня – «столпы и утверждения истины». Их бьют, а мне больно. Потому что они единственные заместители-заменители навсегда ушедших из моей жизни людей.

Депутаты парламента небытия, объявившего мне войну.

И автор – этот болтун-графоман – только мой заместитель. Заместил, заменил, освободил от ответственности. И строчит себе, забавляется, разводит турысы на огненных колесах.

Поэтому, ты, дружок, не горюй, а играй себе и дальше в уголке у камина брусничными ягодами на медном подносе с гравированными ангелочками. Шей сюртук. А если надоест – свари морс в алюминиевой кастрюле. Попей и расслабься. Булочку пожуй с изюмом. А если совсем плохо станет, походи, поброди по городу прошлого, где все улицы – как непрозрачное стекло.

...

Мы лежали на двух, положенных рядом друг с другом, матрасах.

Старинную двуспальную кровать орехового дерева, которую нам вместе с набором светло-зеленых кастрюль и выдавшей вида гэдээровской стиральной машиной несколько лет назад подарил священник кирлитцской церкви «Мадонны милосердной» отец Непомук, я продал. Дешево отдал. Очень уж хотел от нее избавиться – кровать возвышалась в спальне как зловещий замок на равнине, назойливо напоминала мне о закончившейся недавно неблагополучной семейной жизни.

Полпятого утра.

Огромная комната с двумя высокими полукруглыми окнами уже пронизана бледными, изрезанными кружевной занавеской лучами июльского солнца, отраженными от окон дома на другой стороне Бланкенбургской улицы, одной из самых шумных и вонючих в городе.

Моя подруга еще спит, раскинувшись на простыне как распятый рядом с Иисусом разбойник и разбросав по смятой в гармошку лиловой подушке свои прекрасные золотые волосы, а я проснулся и страдал от неутоленной страсти. Погладил спящую по щеке и осторожно поцеловал в невыразительный светло-розовый сосок маленькой груди, вылезшей из голубой шелковой – с белыми журавликами – ночной рубашки. Влада открыла глаза и прошептала: Милый, да,

да!

Подалась ко мне и вдавила свою грудь мне в рот как сливу.

...

Около шести мы расползлись по своим матрасам, Влада уснула, аккуратно уложив предварительно волосы и обернув их косынкой, а я задремал. Тело блаженствовало, душа почему-то ныла, ну да мне к этому не привыкать.

Перед глазами медленно побежали рыжие лошади, которых я когда-то в прежней жизни видел в Приэльбрусье. Прошел полупрозрачный абрек в бурке и папахе, улыбнулся мне и помахал нестрашно шашкой, за ним пропелся добрый ослик с картины Пиросмани, сидящий на нем грузин с зонтиком в руках снял свою бархатную шляпу и поприветствовал меня.

Передо мной открылся потрясающий вид на двуглавую вершину Эльбруса, освещенную заходящим солнцем. В голове прошелестело – Чегет, Чегет...

В последний момент перед окончательным растворением в блаженном снежно-розовом свете я очнулся. Потому что услышал странные шорохи из соседней комнаты и тихие голоса.

Сон исчез как капля горящего спирта на ладони.

В голову ударила зеленая молния: Жена вернулась! С детьми!

Что делать? Жена приехала ночным поездом, предупредить не смогла, потому что у тебя в проклятом Кирлитце нет телефона, хотела сделать сюрприз, помириться, а ты валяешься с этой дурой на ложе из матрасов, семейную кровать продал...

Что ты дочкам скажешь? Они сейчас в спальню ввалятся, папа-папа, и увидят – кровати нету, а голый папа с незнакомой тетей.

Второй раз в жизни впал я в панику. Первый раз это случилось на склоне той самой горнолыжной горы Чегет. Рыжие красавицы лошадки окружили меня, одинокого путника, забредшего сдуру на альпийский лужок, где пасся полудикий табун – голов в триста – и начали давить меня замшевыми боками и так неприятно ржать и фыркать, что мне показалось, будто они задумали раздавить меня насмерть. Спас меня тот самый абрек в папахе. Появился как Бог из машины, заорал что-то гортанно на проклятых лошадей, и они от меня отстали.

Лежу и паникую. Ожидаю торжественного входа в спальню жены с двумя дочерьми. Ноги и руки похолодели, в виски страх молотком бьет.

Ужас...

Разбудил Владу.

– Милая, вставай, одевайся, моя жена приехала. С дочками. Сейчас они сюда войдут!

Златовласка моя открыла глаза, скорчила недовольную мину, зевнула... Потом поняла и быстренько, как змея, спряталась под одеяло. Затаилась. Как-будто ее и нет вовсе. Я даже одеяло потрогал, потому что мне показалось, что она на самом деле исчезла. Как морок. Нет, Влада была на месте, даже не дрожала, а только нервно хихикала. Гадюка!

Не надо было кровать продавать, сейчас бы спрятал ее под ней, как в французском фильме. Под нашей кроватью целый гарем поместился бы.

Я зажмурился, боялся встретиться глазами с дочерьми. Но никто в комнату не входил.

Прислушался. Шорохи. Голоса вроде громче стали. Расслышал несколько слов. Кажется и не по-русски и не по-немецки. Что за дьявол?

И тут меня осенило – это не жена, это воры! Румыны или цыгане. Взобрались по лесам, которые у нас во дворе уже год стоят, хотя никто ничего не ремонтирует.

И влезли в открытое окно на кухне. Ходят теперь у меня как в магазине, решают, что взять, а что оставить.

Какое облегчение! Пусть воры, злодеи, бродяги, черти, только не жена с детьми. Сейчас завернусь в простыню и выйду их приветствовать в коридор.

Воры по-видимому решили, что никого дома нет. Когда я, босой, небритый, завернутый в лиловую простыню и ничем кроме моей радости не вооруженный, стремительно открыл дверь и вышел в коридор – оба вора спокойно рылись в моем секретере.

Увидели меня, опешили. Маленький стремительно направил на меня дуло моего браунинга, а другой, повыше и постарше судорожно прижал к груди мой любимый Никон и серебряную шкатулку с деньгами. Масляные, карие глаза обоих источали страх и смертельную ненависть. До меня еще не дошло, что передо мной дети – примерно четырнадцати и двенадцати лет, как младший

выстрелил мне в живот. Если бы мой браунинг был заряжен боевым патроном, я бы наверно быстро отдал концы. Но – о счастье! – мое оружие было всего лишь пугачом. Выстрел был громкий, но холостой. Меня даже не обожгло вырвавшимся из дула как дьявол из пекла оранжевым огнем. Я заорал что-то для храбрости и кинулся на злодеев как Тарас Бульба на поляков. Малыш бросил пугач и метнулся к входной двери. Крутанул торчащий в замке ключ. Второй отшвырнул шкатулку и фотоаппарат и тоже бросился к двери. Воры быстро открыли мою стеклянную дверь и рванули вниз по лестнице.

Как раз в это время жилец первого этажа, нелюдимый строитель-подрядчик Штайнман выводил из своей квартиры на прогулку овчарку Жаклин. Характер у Жаклин был трудный. Нервы у этой собаки были расшатаны сумасшедшей семейкой строителя. Сын хулиган и дочь проститука часто приходили, выпивали у родителей весь шнапс, съедали, все, что можно, и канючили у подрядчика деньги, а он терпеть этого не мог и вымещал злость на жене – долговязой кобыле Мэнди. А та в свою очередь вымещала злобу на Жаклин. Мэнди ненавидела Жаклин как соперницу, она привязывала собаку к решетке камина и била ее кочергой по голове. Жильцы соседних квартир все знали, но никто и не думал доносить в общество защиты животных, мрачного подрядчика побаивались, и свирепая, вечно на всех рычащая и лающая Жаклин с огромными красноватыми зубами не вызывала особенного сочувствия.

Со своего четвертого этажа я услышал бешеный лай овчарки, зверский окрик Штайнмана, пытавшегося по-видимому оттащить злобного зверя от маленьких негодяев, попавших в ловушку. Входная дверь в подъезд была еще заперта. Чуть позже я услышал громкую ругань и стоны покусанных воров.

Я удовлетворенно закрыл входную дверь, вымыл руки, поднял и положил назад в секретер шкатулку и камеру, хлебнул два раза из горлышка холодного «Мартини» из холодильника и пошел в спальню. Рассказал все Владе.

Посмеялся вместе с ней над собой. И, свободный и счастливый как горный орел, парящий над Чегетом, с удовольствием растянулся на своем матрасе. Заснул.

Мне приснился забавный сон.

Сон о том, как накладно быть владельцем троллейбуса.

Вот, сижу я в подозрительном бюро с круглым окошком, из которого

открывается вид на Золотой мост в Сан-Франциско, составляю какие-то сметы, считаю что-то на арифмометре и смакую почему-то апельсиновый сок, который в не сонном, бодрствующем состоянии терпеть не могу, потому что кишки разъедает...

Сижу, смакую, считаю, а думаю – только о моем троллейбусе. Переживаю за него. Потому что он – на линии. На дворе дождь, туман, фиолетовая мгла, по причалам бродят невообразимые чудовища, похожие на гигантских морских львов. Ветер воет. Буря! Но троллейбус должен строго по расписанию следовать по маршруту. Задыхающийся, больной астмой водитель должен вежливо объявлять остановки, открывать и закрывать двери, трогаться, тормозить, следить за дорогой.

Пассажиры мой троллейбус не любят, они вытирают о чистый пол грязные ноги, режут мягкие сиденья ножами, царапают стекла алмазными стеклорезами, выворачивают с мясом поручни, разбивают лампы, ломают автоматические двери, плюют, курят, устраивают драки, лупят в иступлении по пластиковым стенам своими тяжелыми черными ботинками.

Ко мне в бюро вбегают кредиторы, похожие на куклу Петрушка. Носатые, в красных колпаках и полосатых брюках. Руки у них четырехпалые. Петрушки-кредиторы требуют немедленно выплатить им проценты по займам. Грозят своими гнусавыми голосами откусить мне нос. Пляшут передо мной какой-то невыносимый гопак. Сверху вниз, по полированным стальным стержням, как пожарные, беззвучно соскальзывают налоговики-контролеры и выстраиваются передо мной полукругом. Их лица похожи на дурацких идолов с острова Пасхи. В их каменных руках – бухгалтерские книги. И вот я уже в суде. Толстомордые судьи-бурундуки мрачно смотрят в пол, а мои ослы-адвокаты брезгливо от меня отворачиваются и глазеют на полные бедра свиньи-блондинки в третьем ряду. Медленно и жутко поднявшийся из-под земли хор-профсоюз требует сейчас же повысить зарплату водителю.

В бюро вваливается граф Цеппелин с моделью дирижабля в руках. Не без скрытого торжества он рассказывает мне о том, что цены на запчасти для троллейбусов выросли, а китайский юань упал.

– Пересаживайтесь на дирижабли, призывает меня граф, – переходите на юани...

И он показывает мне пачку затрепанных банкнот различных цветов с противной кукольной мордой Мао.

Прямо через круглое окно ко мне в бюро въезжает мой троллейбус и застывает у меня перед носом. Он пуст. Нет ни водителя, ни пассажиров.

Я беру троллейбус в руки, очищаю его от грязи и аккуратно запаковываю в подарочную коробку. Затем звоню в Гамбург моему богатому приятелю и предлагаю ему купить троллейбус.

– Почти как новый! Отдам задешево. Триста тысяч юаней.